

- ⁷ Бурдые П. Социология социального пространства. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2005. С. 15.
- ⁸ Социоанализ Пьера Бурдые : альм. Рос.-фр. центра социологии и философии ИС РАН / отв. ред. М. А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2001. С. 52–53.
- ⁹ Там же. С. 125.
- ¹⁰ Алексеева И. Ю., Алексеев А. П. Какой посткапитализм нужен России? // Вопр. философии. 2014. № 10. С. 18.
- ¹¹ См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М. : Аспект-Пресс, 2004. С. 6.
- ¹² См.: Кантерев А. И. Информатизация социокультурного пространства. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. С. 478.
- ¹³ См.: Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 370.
- ¹⁴ Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетей, 2001. С. 210.
- ¹⁵ Иванов В. Н. Социальные технологии в современном мире. М. : Славянский диалог, 1996. С. 276.
- ¹⁶ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2005. С. 478.
- ¹⁷ См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191.
- ¹⁸ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Указ. соч. С. 26–27.
- ¹⁹ Цит. по: Асп Э. Введение в социологию. СПб. : Алетей, 1998.

УДК 321.01

ПОСТСОВЕТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ПЕРЕД НОВЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМИ ВЫЗОВАМИ

М. В. Горбачев

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: ktrp@sgar.ru

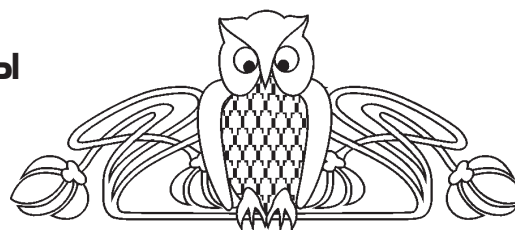
Политическое пространство, которое условно принято называть постсоветским, уникально по своей сущности и природе возникновения. Значительное количество вертикальных политических связей, отношений и механизмов, которыми были объединены государства, входившие в СССР, оказались заменены на горизонтальные формы политических взаимодействий. Одной из таких форм стали разнообразные политические проекты, которые инициировались лидерами постсоветских республик, в том числе и российской политической элитой. Часть этих политических проектов была связана с прозападной перспективой развития, другие затрагивали возможности евразийской интеграции, третьи ориентировали в сторону «восточного вектора» роста. Все эти разнородные политические проекты объединяло одно: выбор интеграционной модели, которая по своей сути означала более значительный и глубокий по своему содержанию цивилизационный выбор. Такой выбор особенно остро встал перед современной Россией как крупнейшей страной постсоветского пространства. В статье анализируются проблемы разработки постсоветских политических проектов цивилизационного уровня. Исследуются их детерминирующие факторы, выявляются их возможные перспективы.

Ключевые слова: политические проекты, евразийское пространство, евразийская политика, западная цивилизация, цивилизационные тренды, политический дискурс, интеграционные модели, постсоветское пространство.

Post-Soviet Political Projects Before the new Civilizational Challenges

M. V. Gorbachev

Political space that is conventionally called post-Soviet, unique in its essence and nature of the occurrence. A significant amount of vertical political ties, relations and mechanisms, which were United States that

were part of the USSR, was replaced by a horizontal form of political interactions. One of these forms have become diverse political projects, which was initiated by the leaders of post-Soviet republics, including the Russian political elite. Part of these political projects was associated with Pro-Western perspective of development, other, raised the possibility of Eurasian integration, third, oriented towards the «Eastern vector» of growth. These diverse political projects had one thing in common: the choice of the integration model, which essentially meant more significant and profound in its content civilizational choice. This choice is particularly stood before modern Russia, as the largest country in the post-Soviet space. The article analyzes the problems of development of Russian political projects civilizational level. Investigates their determining factors, identify their possible prospects.

Key words: political projects, Eurasia, Eurasian politics, Western civilization, civilization trends, political discourse, integration models, post-Soviet space.

Российские политические лидеры различного уровня практически сразу после распада СССР стали предлагать разные варианты участия России в определении параметров постсоветского пространства. Большинство этих проектов носило теоретический характер, их положения и принципы применялись в практической политике только по отдельным направлениям в конкретных ситуациях. Активация проблем постсоветского политического проектирования современными российскими политическими лидерами произошла только в начале 2000-х гг. Это связывается с целым рядом событий, таких как реакция ЕС на конфликт августа 2008 г. в Южной Осетии, продолжении строительства третьей линии ПРО в Восточной Европе, провал попытки установить безвизовый режим с Евросоюзом, нестабильность на Украине¹.

В своих официальных выступлениях в российском МИД(е) начиная с 2008 г. В. В. Путин назвал углубление интеграции на постсоветском пространстве «центральной задачей нашей внешней политики»². В обращении к зарубежным дипломатам неоднократно подчеркивалось, что «мы объективно подошли к тому, чтобы серьезно модернизировать принципы нашего партнерства – как в СНГ, так и в других региональных объединениях... сконцентрировали свое внимание, прежде всего, на развитии торговых и производственных связей»³. При этом ряд кризисных явлений как в мировой, так и в российской экономике назывались дополнительными импульсами развития интеграционных процессов⁴.

В современной российской политической элите существует четкий дискурсивный тренд, согласно которому «прежнюю политику в регионе можно описать как ограничивавшуюся сырьевым и военно-техническим сотрудничеством... ситуация претерпела определенные изменения... Россия отказалась от прозападного интеграционного варианта развития в пользу политики самостоятельного центра силы в мультиполярной среде»⁵. При этом отмечается, что определенная потеря данного пространства, которая произошла в «либеральные» 90-е гг. XX в. активно восстанавливается и «вместо взаимовыгодных либерально-коммерческих отношений, формируются тесные формы сотрудничества на международном уровне»⁶.

Помимо этого, делается акцент на наличие ряда общезначимых военно-политических проектов, а именно: «военные базы в Таджикистане и Киргизии... интересы российских нефтяных компаний в Казахстане и Туркменистане...»⁷, наличие активного внутреннего торгового оборота с такими государствами, как Казахстан, Белоруссия⁸. Поэтому одним из важнейших интеграционных направлений современной России, согласно официальному дискурсу В. В. Путина, является формирование общности на пространстве Евразийского континента. В рамках этой политики, нацеленной на создание определенной политико-экономической общности, формировался так называемый Таможенный союз, в который вступили Белоруссия, Казахстан и Россия⁹. Причем Таможенный союз указывался в качестве промежуточного звена по реализации вышеобозначенной интеграционной цели.

В публичных выступлениях лидера Российского государства отмечается, что «Таможенный союз – это часть Евразийского союза»¹⁰. При этом ряд российских политиков, придерживающихся этого курса, характеризуют Евразийский союз как «часть большого плана по восстановлению “Большой страны”»¹¹. Главная цель данной организации видится В. В. Путиным в расширении региональной интеграционной политики на постсоветском пространстве как в области политических, так и в области экономических

институтов, что более предпочтительно. Об этом свидетельствуют дискурсивные линии типа «в первый раз после распада Советского Союза был сделан начальный шаг, чтобы восстановить естественные экономические и торговые отношения на бывшем советском пространстве»¹² – т. е. не идеология, а экономика должна стать лейтмотивом процесса. В одном из публичных интервью В. В. Путин озвучил и краткосрочные цели Евразийского союза. Он полагает, что «это объединение бывших советских республик по образу и подобию ЕС, которое должно углубить экономические связи между его членами, а в конечном итоге проложить путь к более крепкой политической интеграции»¹³.

Ряд западных экспертов видят в создании подобного интеграционного объединения под эгидой России «завуалированную попытку возродить Советский Союз, распад которого Путин, как хорошо известно, назвал “величайшей геополитической катастрофой двадцатого века”»¹⁴. Более того, некоторые из них утверждают, что «странам СНГ не предстоят легкие отношения с избранным в третий раз президентом Владимиром Путиным, который в довольно агрессивной форме объявил пространство СНГ важнейшим полем в политике Москвы»¹⁵. Эксперты считают, что «Россия снова становится мировой империей, играющей важную роль в Евразии»¹⁶. Тем не менее, они полагают, что формат этого союза будет иметь другой характер, чем являлось интеграционное объединение – СССР. Экспертами отмечается, что «Евразийский союз – не только для того, чтобы проглотить соседей, которые на это пойдут, но и для того, чтобы противостоять исламскому и китайскому вызовам... это – повестка для Москвы»¹⁷. Как показала политическая практика создания Евразийского союза, в него действительно постепенно интегрируются преимущественно бывшие республики СССР, такие как Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан. В то же время, существует возможность присоединения к организации такого государства, как Новая Зеландия. В этом случае Евразийский союз действительно приобретает новый формат.

В официальных дискурсах В. В. Путина наблюдается определенное пересечение позиций с западными политиками. В частности, указывается, что Россия не предпринимает попыток создания интеграционного объединения имперского военно-политического типа. Напротив, глобальная цель структуры – «заключение нового договора между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом... однако подобного рода договор, должен быть основан на примерном паритете, а не простом присоединении России к Евросоюзу»¹⁸. Среднесрочные задачи объединения состоят в конструировании связующего экономического звена между Азией и Европой. Это положение выражается посредством

такого дискурсивного тренда, как «Евразийский союз мост и центр геополитического притяжения между Европой и регионами Тихоокеанской Азии, то есть – динамичную территорию, очень напоминающую Европейский союз, которая когда-нибудь сможет ввести свою новую валюту»¹⁹. В данном контексте указывается на наличие многочисленных инфраструктурных проектов, которые способствуют реализации поставленной цели. К ним относят «реконструкцию железнодорожной линии Стамбул – Алма-Ата, коридор Мумбаи – Санкт-Петербург, прокладку железного пути из порта Гвадар в Далбандин, дорогу из Куньмина в Читтагонг и т. д.»²⁰ В данном контексте некоторые французские и итальянские политики делают предположение «о возможном возрождении легендарного “шелкового пути”»²¹.

Обозначенные выше инфраструктурные проекты Евразийского союза (проект российско-белорусско-казахской интеграции, куда вошли Украина и Киргизия²²) и активная деятельность лидеров государств, интернирующихся в эту организацию, вызвали в 2013 г. ряд дискурсивных реверсов со стороны представителей западных государств. В частности, в высказываниях их политических деятелей прослеживалась тенденция о нарушении регионального равновесия в Европе и опасения, что «никто из нас не будет доволен образованием нового “Варшавского договора” у наших дверей»²³; или дискурсивные тренды, согласно которым «В. В. Путин пытается сформировать новую идентичность на территории современной России в том виде, в каком она сейчас существует»²⁴. При этом практически все американские аналитики сходятся во мнении, что «Россия с подчиненной ей Украиной снова превратится в империю... без Украины Россия еще долго будет оставаться в положении раненного медведя»²⁵.

В контексте решения совместных экономических проблем, так же как и в рамках Евразийского союза, В. В. Путин значительное внимание уделяет формированию транспортной инфраструктуры (концепция «транзитной цивилизации»). Так, указывается на необходимость коллективного развития транзитного потенциала, имеющегося на пространстве ШОС, – континентальные коридоры «Север – Юг» и «Азия – Европа». Данный проект, по мнению лидера Российского государства, невозможен без обеспечения необходимого уровня региональной безопасности. Этот тренд находит выражение в заявлениях, касающихся значительного потенциала ШОС в антитеррористической сфере и в противодействии современным вызовам и угрозам. В то же время В. В. Путин проводит параллельный дискурсивный тренд, согласно которому ШОС не будет эволюционировать в сторону расширения совместных военных структур. В частности, подчеркивается, что «ШОС не является военной организацией... учения, прошедшие на терри-

тории Таджикистана в 2012 году, ставят своей основной задачей отработку военного взаимодействия только в рамках антитеррористической борьбы»²⁶.

При этом, как отмечается в официальном дискурсе В. В. Путина, активное расширение Евразийского союза и ШОС ставит перед Европой определенные вопросы, главным из которых является «вопрос появления нового политического пространства в перспективе 2020–2030 гг.»²⁷. Одновременно утверждается, что «Евразийский союз будет создаваться непосредственно по образцу ЕС <...> сильный ЕАС будет естественным партнером Евросоюза, способным договориться с Брюсселем о создании в будущем общего экономического пространства от Атлантического до Тихого океана»²⁸. В европейских общественно-политических дискурсах данная позиция имеет различные толкования. Так, ряд европейских политических лидеров полагают, что «мир движется в направлении господства одной супердержавы, и сегодня кандидатами на мировое лидерство можно считать Китай и Индию, а также федерацию Арабских стран»²⁹. Поэтому попытки России укрепить интеграционные экономические и, возможно, политические процессы по линии ЕС – Евразийский союз воспринимаются как вполне естественные и логичные.

Более того, отдельные европейские политики утверждают, что «только новая Евро-Российская ось сможет сдержать напор азиатских стран и сохранить эту цивилизацию от поглощения ее восточной цивилизацией»³⁰. В частности, данный дискурс характерен для современного руководства Италии. Его специфика выделяется рядом российских экспертов. Так, Италия характеризуется как «краеугольный камень в создании новой Евро-Российской оси»³¹. При этом подчеркивается, что «администрация США хочет подорвать этот процесс, прибегая к финансовому шантажу (не случайно идет война между евро и долларом), создавая марионеточные государства на границах Российской Федерации (финансируя сумасбродные демократические революции типа “оранжевой” на Украине и “зеленой” в Иране)»³². Еще одно толкование попыток России интегрироваться со странами ЕС связано с требованиями сдерживать эти стремления. В частности, включение ряда государств, входивших ранее в СССР (СЭВ, ОВД), в ЕС воспринимается как положительное явление, наращивание же взаимодействий между ЕС и Россией – как попытка одностороннего влияния последней на независимую европейскую политику. Поэтому предлагается ограничить интеграционные процессы рядом экономических проектов («Северный поток», «Южный поток»), а также борьбой с международным терроризмом. Некоторые исследователи отмечают, что украинский кризис и обострение международных отношений подталкивают Россию «к извлечению урока в выстраи-

вании отношений на евразийском пространстве с бывшими союзными республиками на основе более конкурентоспособной политики “мягкой силы”»³³.

Таким образом, постсоветские политические проекты прошли сложную цивилизационную трансформацию. На первом этапе (1993–1999 гг.) она выражалась в попытке найти общие цивилизационные корни с европейскими политическими структурами. На втором этапе (2000–2007 гг.) произошел кризис цивилизационной идентичности постсоветского политического проектирования в целом и российского в частности. Третий этап (2008–2015 гг.) характеризуется внутренним поиском цивилизационных ресурсов для формирования масштабных политических проектов при одновременном отказе от попыток интегрироваться в уже имеющиеся, полностью или частично реализованные как «западные», так и «восточные» политические проекты. Четвертый этап развития постсоветского политического проектирования может быть связан с ростом конкуренции между российскими и западными политическими проектами на постсоветском пространстве, с их активной переориентацией в сторону более широкой открытости для других участников из других регионов мира.

Примечания

- ¹ См.: Крят Д. Общее дело // Беларусь сегодня. 2011. 18 окт. С. 4.
- ² Aron L. The Putin Doctrine // Foreign Affairs. 2013. March 8. P. 11.
- ³ Цит. по: Крят Д. Указ. соч. С. 6.
- ⁴ Там же. С. 9.
- ⁵ Цит. по: Cheda R. Arabski wirus w Rosji // Wirtualna Polska. 2011. June 27. P. 7.
- ⁶ Бухвалов А. Евразийский проект Путина // Rilsoa. 2013. 5 июня. С. 5.
- ⁷ Россия в СМИ СНГ. URL: <http://inosmi.ru/books/20050421/219061.html> (дата обращения: 04.05.2015).
- ⁸ См.: Editorial. Obscene assumption // Russian Germany. 2012. October 11. P. 9.
- ⁹ См.: Aron L. Op. cit. P. 12.
- ¹⁰ Коэн А. Перегрузка была мертворожденной // День. 2013. 22 апр. С. 4.
- ¹¹ Там же. С. 5.
- ¹² Цит. по: Mauro De Bonis Urss? No grazie, Putin sogna l'Unione Euroasiatica // Limes. 2012. September 3. P. 12.
- ¹³ Mankoff J. What a Eurasian Union Means for Washington // The National Interest. 2012. April 19. P. 7.
- ¹⁴ Ibid. P. 9.
- ¹⁵ Zigfeld K. Ar problēmām NVS // American Thinker. 2012. April 2. P. 14.
- ¹⁶ Aron L. Op. cit. P. 12.
- ¹⁷ Коэн А. Указ. соч. С. 5.
- ¹⁸ Trenin D. The End of the EU-Russia Relationship As You Know It // Carnegie Endowment for International Peace. 2012. December 25. P. 6.
- ¹⁹ Боровский О. Запад есть Запад, а Россия есть Восток // Украина Молода. 2013. 5 июня. С. 2.
- ²⁰ Там же. С. 3.
- ²¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. С. 174–175.
- ²² См.: Боровский О. Указ. соч. С. 2.
- ²³ Zilpimiani L. L'Unione Eurasiatica rappresenta la nuova sfida di Putin all'Occidente // L'Occidentale. 2012. April 23. P. 8.
- ²⁴ Editorial. Without Imperial Russia will perish? // Liberation. 2007. March 28. P. 15.
- ²⁵ Editorial. Fuer Russland geht es in Kiew nicht nur um Macht, sondern auch um die Seele // Die Welt. 2004. December 01. P. 17.
- ²⁶ Цит. по: Мезенцев Д. Мы открыты диалогу // Рос. газ. 2013. Федер. вып. № 6181 (205). С. 3.
- ²⁷ Slaski B. L'Europe risque de pâtir de la montée en puissance de l'Eurasie // Le Monde. 2012. June 16. P. 8.
- ²⁸ Mankoff J. What a Eurasian Union Means for Washington // The National Interest. 2012. April 19. P. 4.
- ²⁹ Обзор зарубежных СМИ, 17 мая 2010 года. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140925/223233485.html> (дата обращения: 12.04.2015).
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Palombo G. Russia : prossima superpotenza mondiale? // Giornalettismo. 2010. May 16. P. 9.
- ³² Ibid. P. 12.
- ³³ Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 74.